

Я работаю
на кладбище

Не простить

Вчерашний дождь и холодный ветер занесли в контору непростых заказчиц.

Две женщины, мать и дочь, зашли прицениться, задержались, чтобы переждать непогоду, в итоге поссорились, помирились, сделали заказ на памятник и опять поссорились, до истерики, до икоты, до зубного стука по стакану воды, до удушливого запаха капель валокордина.

Матери за пятьдесят, у неё крепкие руки, она твердо стоит на ногах, но лицо будто смазанное и выцветшее, будто его нарисовали мелом на школьной доске, а потом неряшливо вытерли сухой гряз-

ной тряпкой. Я так и не смог поймать её взгляд – он блуждал по залу, скользил по памятникам, по стенам с фотографиями, не цепляясь, перетекал на таблички с вымышленными именами вымышленных покойников и тек дальше, равнодушной летней рекой.

Дочери за тридцать, она вся как квашня, длинная юбка в пол скрывает нетвердые ноги, рыхлая грудь и плечи трясутся под надетой навывпуск блузкой. Дочь немедленно села на стул, расплылась по нему тучным телом. Только глаза, острые и холодные, как кухонные ножи, и уголки рта нервно дрожат. От дочери пахнет ладаном и теплым воском. Я знаю, ладаном пахнет близкое горе.

– Скажите, ведь не принято, но можно делать памятник живому человеку? – усевшись, спросила дочь.

– Делают и живым.

– Вот, мама, делают! Хоть и не принято.

Мать кивает, подходит к выставочному образцу, проводит пальцем по кромке плиты, как пробуют лезвие ножа, хорошо ли заточено.

– Скажите, ведь дешевле, если сразу на двоих сделать памятник, а не потом доделывать?

– Сразу дешевле.

– Вот, мама, дешевле!

Мать вяло кивает.

– Скажите, а для ребенка памятник, он от взрослого отличается?

– Может и не отличаться.

– Вот, мама, не отличается!

В голосе дочери звенят слезы. Мать слышит их, кивает, вжимая голову в плечи.

– Скажите, если ребенка убили, вдруг были у вас случаем, то какой-то особый памятник ставят?

– Ничего особенного не встречал.

– Вот, мама, ничего особенного!

Мать закрывает лицо руками, её начинает трясти, и сквозь руки, будто зажимая себе рот, она вдруг кричит:

– Сил! Нет! Что же! Ты! Помереть бы! Мне! Не могу! Не могу!

Пока усаживаем мать, сует в сжатый рот стакан воды, обливаем нашатырем ватку, суетимся, толкаясь и мешая друг другу, дочь монументом сидит на своем стуле, глядит на мать, низко наклонив голову, говорит то ли мне, то ли сама себе:

– Сына она моего не уберегла. Сына. Выпал он у неё из окна. Не доглядела. Убивается теперь. Да только сына не вернешь, нет. Памятник хочет, чтобы с моим сыном рядом лежать. Не уберегла потому что. Простить себе не может. Рядом лежать. Только не вернешь сына. Памятник сделать можно. Простить как? А? Как простить?

Потом они обнимаются, мать и дочь.

Дочь тяжело встает со стула, подходит к матери, опускается пред ней на колени, та тоже сползает со стула, и они стоят на коленях посреди торгового зала, вцепившись друг в друга руками, обе режут, целуются, размазывая по лицам слезы, говорят что-то бессвязное, просят прощения и прощают.

Неловко они поднимаются на ноги, извиняются. Дочь усаживается обратно на стул. Мать отходит к

выставочным образцам памятников, пробует пальцем кромку камня.

– Скажите, – говорит дочь, выровняв дыхание, – на двоих если памятник делать, сколько это времени?

– Две недели, если стандартный вариант.

Я отвечаю, стараясь на них не смотреть, просто отвечаю на вопрос, словно и не было пять минут назад ни истерик, ни слез, ни стакана воды в судорожный рот.

Дочь глядит на мать, и взгляд её черствеет.

– Вот, мама, две недели, – говорит дочь и ждет, когда мама безвольно кивнет.

Долго и счастливо

Парень лет тридцати сделал заказ на два памятника. Один – папе, другой – маме. Она умерла третьего мая этого года. Он – четвертого мая, тоже в этом году. У неё – инфаркт. У него – инсульт. Он – в Днепропетровской области, поехал навестить родителей и помочь им по хозяйству. Она – в Киеве, пока муж уехал и выходной, решила помыть окна в квартире. Врачи не смогли ничего сделать, ни там, ни там. Она умерла раньше, он часов на двенадцать позже.

И при жизни они так и не узнали о смерти друг друга.

Квартирный вопрос

Пришел в контору мужчина – худой, весь какой-то вытянутый и высушенный, как ковыль. На тонком лице выделялись острые скулы и унылый нос, на котором огромные очки выглядели странно и неуместно, будто посетитель их только что нашел на улице. Растянутые джинсы, стиранная рубашка, невзрачная мышьяная куртка, чемоданчик типа «дипломат» родом из прошлого века.

Мужчина со стуком поставил на стол чемоданчик, щелкнул замками и стал по одному, не торопясь и обстоятельно, доставать из «дипломата» пенопластовые кубики и плиточки, крашенные в черный цвет.

Достал и, как ребенок играет в «лего», начал собирать у меня на столе пенопластовую композицию. Аккуратно, не торопясь, поправляя детали и оглядывая их со стороны.

– Вот, – сказал мужчина, когда закончил. – Сколько может стоять?

Я взглянул на выстроенный на столе пенопластовый склеп.

– Из гранита? – спрашиваю.

Мужчина кивает.

– Это будет дорого.

– Посчитайте.

Мужчина серьезен и спокоен.

Я делаю просчет.

– Одинарное захоронение? Киевское кладбище?

– Да, Лесное. Одинарное. 2,2 метра на 1,5 метра.

– Стандарт.

– Я все сделал в масштабе. Двадцать два сантиметра на пятнадцать сантиметров. Можете смело перемерять линейкой. Каждая деталь в масштабе.

Я перемеряю, поглядывая на мужчину. Интересно, сколько времени ушло у него на то, чтобы вырезать все детали? Я представляю, как он сидит, сгорбившись, тщательно вымеряет, режет, сдувает пенопластовые крошки, бормочет что-то себе под нос. Я перемеряю и просчитываю.

– Гранитный бордюр в основании. Семь тысяч гривен. Плиты сверху. Это большие размеры, не стандартные, будет дорого. Можно сделать из четырех плит, получится дешевле.

– Из двух.

– Как скажете. По восемь тысяч за плиту. Сверху ступенькой еще две плиты. Эти по шесть тысяч. Еще две плиты. Эти по четыре тысячи. Еще одна сверху. Эта пять тысяч. Сверху арка. Метр семьдесят в высоту. Четыре с половиной тысячи. Плюс меньше арки по углам. Плюс резка каждой арки. Фигурный фасон по кругу на всех деталях, стол, лавочка. Это без установки.

– Считайте.

– Заливка бетонного армированного плато. Монтаж цоколя. Монтаж плит. Кран нужен будет. Установка арок. Тут силиконом.

– Итого?

– Двести тридцать шесть тысяч четыреста. Надо выехать на участок, посмотреть, уверен, что мы найдем, где можно будет подвинуться по цене.

Мужчина достает мобильный телефон и звонит.

– Двести тридцать шесть, – говорит мужчина в трубку. Ему отвечают, я слышу, на той стороне трубки кто-то недовольный ругается на мужчину.

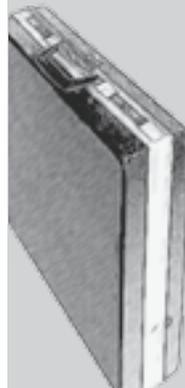
– А если плиты не десять сантиметров толщины, а двадцать? – спрашивает мужчина, отведя телефон в сторону.

– Но это будет еще дороже.

– Сколько?

Я внимательно смотрю на мужчину и опять все пересчитываю. Получается дороже. Получается гораздо дороже.

– Тут гранита почти на три тонны, установка, все фигурные работы, резки, фаски. Триста пятьдесят пять тысяч гривен.

Мужчина говорит цифру в трубку. Трубка возмущается и, кажется, начинает плакать.

– Это жена, – говорит мужчина. – Она не может ходить. Ноги отказали год назад.

Я киваю.

Мужчина с извиняющимся видом слушает мобильный телефон и безуспешно пытается вставить хоть слово, у него не получается, и мужчина продолжает слушать, «угукая» в паузах.

– Нам надо дороже, – наконец говорит мужчина.

– Послушайте, – говорю я.

И я начинаю его отговаривать. Наверное, мое поведение не профессионально. Но глупо выбрасывать столько денег за кучу гранита. И еще мне не верится, что у этого худого посетителя в застиранной рубашке действительно есть сорок тысяч долларов. Я достаю каталог и фотографии. Я показываю мемориальные комплексы, которые мы устанавливали в разное время на разных кладбищах. Вот на Лесном, габбро и покостовка, сорок тысяч гривен с установкой. Вот Байковое. Лезняк и габбро, семьдесят шесть тысяч гривен. Вот Байковое. Токовский камень. Тридцать пять тысяч гривен. Вот комплекс из гранита букинского месторождения. Двадцать пять тысяч гривен, и двадцать восемь, и вот такой можно за семнадцать. Все под ключ и с гарантией. Все выглядит на уровне. Основательно, мощно, дорого. Зачем переплачивать такие деньги?

Мужчина смотрит внимательно, но только слышит цену, сразу теряет интерес и отворачивается.